

Этот банкет, как говорили, был устроен ради Чжэнь Вэньцзюнь, но на самом деле служил Вэй Луню ширмой, дабы безупречно спланировать спасение Цзо Сюя и заодно выведать побольше тайных сведений. Чжэнь Вэньцзюнь была лишь предлогом. Вэй Лунь непрестанно сновал среди различных групп гостей, обмениваясь с ними тихим шёпотом. Лишь когда Чжэнь Вэньцзюнь изрядно перебрала с алкоголем, и её тело начало так покачиваться перед столиком, что она несколько раз едва не рухнула головой вперёд, рискуя расколоть столешницу надвое, он наконец подошёл ближе.

- Госпожа Чжэнь пьяна, А-Жань, - подозвал Вэй Лунь старшую дочь. - Уведи госпожу Чжэнь отдохнуть.

- Слушаюсь.

А-Жань позвала двух служанок, чтобы те поддержали Чжэнь Вэньцзюнь, но та взмахом руки бесцеремонно оттолкнула их и обеими руками высоко вскинула кубок, направляя его в сторону Вэй Луны.

Этот переполох мгновенно привлёк внимание всех находившихся во дворе знатных людей, генералов и министров. Они с изумлением уставились на молодую барышню, которая, несмотря на свой простонародный, дерзкий вид, осмелилась поднять кубок, дабы лично выказать почтение верховному Сыту.

- Почтенный Вэй Сыту, - Чжэнь Вэньцзюнь стояла на месте, но её, без всякого ветра и волн, покачивало из стороны в сторону. Она уставилась на Вэй Луны взглядом, в котором, казалось, вот-вот вспыхнет яростное пламя.

А-Жань смотрела на неё как на умалишённую или одержимую злыми духами. Но выдавший разное Вэй Лунь даже бровью не повёл, оставшись безупречно бесстрастным. Вдруг Чжэнь Вэньцзюнь звонко запела пинцанскую народную балладу «Красный свадебный наряд». В своё время Юэ-ши А-Цзяо и Цзян Даочжан, дабы натренировать её и заставить до мельчайших подробностей перевоплотиться в Чжэнь Вэньцзюнь, уроженку знатного пинцанского рода, заставили её выучить немало местных народных песен. Эта баллада «Красный свадебный наряд» была чрезвычайно известна в Пинцане, в ней пелось о смешанных чувствах радости и щемящей тоски престарелой матери перед тем, как выдать родную дочь замуж.

С того самого мига, как А-Жань поведала ей о помолвке Вэй Тинсюй с Чжансунь У, эта песня без умолку крутилась в голове Чжэнь Вэньцзюнь, будто чьи-то чужие голоса эхом перекликались, проносясь сквозь горы и ущелья в её разуме. И теперь, очутившись перед Вэй Лунем, она не смогла сдержаться и запела её во весь голос.

Выражение лиц А-Жань и Вэй Луны в этот миг стоило увидеть. Оно было неопишимо прекрасным. Все знатные люди во дворе, прервав свои беседы, один за другим оборачивались на её голос, а на их лицах проступали благодушные, снисходительные улыбки. Чжансунь У в это время как раз увлечённо беседовал с молодым господином из семьи министра церемоний. Вдруг услышав пение Чжэнь Вэньцзюнь, он тоже повернулся в её сторону.

- Разве это не та самая спасительница жизни из дома почтенного Вэй? С чего бы вдруг её посетило столь изысканное вдохновение? - молодой господин из семьи министра церемоний одним махом осушил свою чарку. Его кадык властно и ритмично дёрнулся. Отставив чарку в сторону, он добавил:

- Чжань Ин, я припрятал на кухне пару кувшинов пятидесятилетнего выдержанного вина. Не хочешь пойти со мной и пригубить?

Чжансунь У бросил ещё один долгий взгляд на Чжэнь Вэньцзюнь, после чего последовал за собеседником в сторону кухни.

Эту изначально светлую и радостную песню Чжэнь Вэньцзюнь умудрилась исполнить с такой надрывной, погребальной тоской и скорбью, что в ней не осталось ни капли свадебного торжества. От её тоскливого мотива у стоявших вокруг пожилых матерей, чьи сыновья сгнули на полях сражений пограничья, глаза мгновенно налились слезами. А-Жань несколько раз порывалась бесцеремонно оборвать Чжэнь Вэньцзюнь, но всё без толку: та упрямо вывела всю мелодию до последней строчки, после чего одним глотком осушила свой кубок до дна. Сочтя этот жест финальным тостом в честь Вэй Луня, она наконец позволила А-Жань подхватить себя под руки и увести прочь.

- Сестрица, почему ты печалишься? - А-Жань увела её вглубь заднего двора и усадила на длинную скамью в тени деревьев. Она бережно промокнула платком слёзы на лице Чжэнь Вэньцзюнь и велела служанке принести чашку чая, дабы разогнать хмель.

Прежде чем выпить чай, Чжэнь Вэньцзюнь ещё несколько раз шмыгнула носом. Бог весть, какие чудодейственные снадобья и травы были подмешаны в этот отвар, но стоило последнему глотку скользнуть по её горлу, как в голове мгновенно прояснилось. До неё с абсолютной ясностью дошло: она только что действительно во всеуслышание распевала баллады на глазах у всей толпы. И едва пунцовый румянец от выпитого вина начал сходиться с её щёк, как лицо тут же залила новая, густая краска жгучего, невыносимого стыда.

Матушка моя родная, что же я только что натворила! Неужели я и впрямь пела во дворе, битком забитом доброй половиной высших сановников и знатных семей Жунина?! Я что, с ума сошла?!

Чжэнь Вэньцзюнь окончательно и бесповоротно пришла в себя, и во всём этом была виновата исключительно Вэй Тинсуй!

В это самое время Вэй Тинсуй внезапно ни с того ни с сего чихнула.

- Госпожа, неужто замёрзли? Я сейчас поворошу угли, чтобы разгорелись пожарче, - Линби знала, что на севере будет прохладно, но и представить не могла, что настолько. Даже внутри дома отчётливо ощущалось, как ледяной ветер упрямо прорывается сквозь любые щели. Тут уж не то что тлеющие угли, даже если развести посреди комнаты огромный костёр, едва ли удастся как следует согреться. Дикий, яростный рёв ветра, проносившегося по горным ущельям, внушал неподдельный ужас. Кочевники из племени Чунцзинь величали эти завывания «кликом злого духа Эрши».

На северном рубеже нет привычной смены четырёх сезонов. Местный климат знает лишь короткую весну и мимолётное, ускользающее лето, которые, если сложить их вместе, делятся от силы дней шестьдесят. Всё остальное время в этих краях безраздельно властвует лютая, страшная зима. Толща льда и снега успевают подтаять лишь за эти куцые шестьдесят дней, бурные потоки устремляются с высоких гор на просторы скованной стужей степи, пробуждая от спячки диких зверей и даруя мимолётное питание кочевым народам Чунцзинь. В эти дни их кони наконец получают сочную траву, а сами они - вдоволь свежего мяса.

Именно из-за этих чудовищных условий и катастрофической нехватки ресурсов четыре великих варварских племени всеми помыслами рвались на юг, мечтая захватить бескрайние, плодородные и цветущие земли Великой Юй.

Когда Вэй Тинсуй и её спутники добрались до северных рубежей, эти шестьдесят дней как раз

близилась к своему исходу. Совсем скоро эти земли вновь окажутся под тотальным диктатом свирепой стужи. Им было жизненно необходимо покинуть эти края до того, как нагрянут первые снежные бураны, иначе с немощным здоровьем Вэй Тинсюй живой ей отсюда было не выбраться.

Потерявший ногу Лю Фэн сейчас метался в беспамятстве от непрекращающегося сильного жара. Двое теневого стражей из клана Вэй, невзирая на завывающий буран и летящий в лицо снег, во весь опор гнали коней, пытаясь настичь и перехватить Се Фучэня.

Хотя она понимала, что чем сильнее снежная буря, тем меньше шансов поймать Се Фучэня, она всё же питала слабую надежду остановить Се Фучэня от возвращения в Жунин. В прежние годы Се Фучэнь служил офицером-сяовэем¹ в лёгкой кавалерии. Он безупречно держался в седле, мастерски умел не просто проводить разведку в стане врага, но и виртуозно заметал собственные следы. Вэй Тинсюй до боли в сердце проклинала своё немощное тело и парализованные ноги: будь иначе, она бы сквозь любые ледяные заторы и бураны до последнего вздоха преследовала этого старого разбойника Се.

¹Офицер лёгкой кавалерии / Цинци сяовэй (□□□□) – высокий военный чин в императорском Китае, командовавший элитными мобильными отрядами конницы.

Несмотря на то, что температура на северной границе резко упала после двух не слишком сильных снегопадов, Вэй Тинсюй не простудилась. И в том была исключительная заслуга шести согревающих пилюль против стужи, которые она методично и непрерывно принимала ещё до отправления в путь. Эти пилюли обладали свойством согревать печень и подавлять внутренний ветер. На вкус они были невероятно иссушающими и жгучими. Обычный человек, прими он даже не всю горсть, а всего одну штуку, сразу бы зашёлся в кашле, ведь «чтобы успешно совершить дело, нужно прежде наточить оружие». В случае с Вэй Тинсюй главным бременем, тянувшим её на дно, оставалась лишь эта брэнная, искалеченная телесная оболочка. И надо же: даже Линби успела дважды подхватить сильный насморк и озноб, а Вэй Тинсюй всё было нипочём.

Но почему она внезапно чихнула? Вэй Тинсюй мягко потёрла нос.

***

– Господин Вэй.

Один из тайных стражей, насквозь взмокший от пота, незаметно окликнул Вэй Луня, затаившись за пышной цветочной клумбой.

Вэй Лунь отпустил людей рядом с ним и наклонился.

– Се Фучэнь уже прошёл Гуаньян. – Сказав это, теневого страж исчез.

Гуаньян находится менее чем в тысяче ли от Жунина. Даже если путешествие опасно, с навыками верховой езды Се Фучэня, ему потребуется не более четырёх или пяти дней, чтобы добраться до Жунина. Цзычжо и Лю Фэн действительно не смогли остановить его.

Вэй Лунь небрежно опустил свою чарку на аккуратно подстриженный куст керрии и, лавируя сквозь толпу гостей, отправился на поиски Чжансунь Яо.

– Я просто искренне рада за сестру Тинсюй, – раз уж позор всё равно случился, пытаться теперь оправдаться «пьяным беспамятством» было бы ещё более нелепо. Посему Чжэнь

Вэньцзюнь решила просто пойти до конца: признать всё как есть и разыграть из себя человека прямодушного и импульсивного. В этом ведь тоже не было ничего дурного. Она перехватила из рук А-Жань платок, промокнула уголки глаз, откуда от страха давно испарились все слёзы, и крепко обняла её за руку. – Как и говорила сестрица А-Жань, сестра Тинсюй круглый год проводит в разъездах и делах, у неё совсем нет возможности бывать дома, не говоря уже о том, чтобы подыскать себе суженого по сердцу. Господин Чжансунь и впрямь прекрасная пара для сестры Тинсюй. У таких красивых людей непременно родится чудесный, очаровательный малыш.

А-Жань похлопала её по спине и вздохнула вместе с ней. Руки Чжэнь Вэньцзюнь, обвивающие А-Жань, постепенно слабели. Уткнувшись лицом в её плечо, она лишь отрешённо и бесстрастно кивала в такт словам, выражая полное согласие.

Окончательно потеряв лицо, возвращаться на банкет ради еды Чжэнь Вэньцзюнь, разумеется, не стала. К моменту отъезда из поместья Сыту её желудок буквально сводило от голода. Эта ночь обернулась для неё сплошным, невыносимым разочарованием: знала ведь, что соваться туда не стоило, только зря нагнала на себя тоску. И даже когда перед самым уходом несколько блестяще одетых молодых господ из знатных семей наперебой бросились к ней, предлагая лично проводить её до дома, это не вызвало у неё ни малейшей радости. Она прекрасно понимала, что сама по себе ничего из себя не представляет, и даже сегодняшний банкет не имел к ней никакого отношения, просто эти глупцы по ошибке приняли её за благородную высокопоставленную особу.

Пока повозка катилась в сторону поместья Хуайчэнь, лицо Чжэнь Вэньцзюнь всё ещё горело, а вместе с подступающей икоты её то и дело мутило от едкого винного хмеля. Едва они прибыли на место, А-Цянь поспешила к ней, собираясь поднести отвар для протрезвления, но Чжэнь Вэньцзюнь лишь отмахнулась, бросив, что в этом нет нужды, и сразу завалилась спать.

Проходя мимо главного зала, она видела, как огни внутри всё ещё горели, и Ли Яньи продолжала что-то планировать. Столько дней прошло, а было совершенно неизвестно, спала ли она вообще хоть немного.

Будь то Ли Яньи или Вэй Тинсюй, Се Фучэнь или Вэй Лунь - эти люди на высоких постах все ставили свои жизни на кон ради бесчисленных людей за их спинами и непредсказуемого будущего. А что она, Чжэнь Вэньцзюнь, сделала? Топила тоску в вине из-за мелких обид, ведя никчёмную жизнь травы у дороги.

Лёжа в маленькой комнатке, Чжэнь Вэньцзюнь не могла уснуть.

Она знала, что матушка ещё не спасена, и впереди её ждёт множество дел. Нельзя больше тратить здесь время и растрачивать чувства.

Вэй Тинсюй действительно была пугающим человеком. Она умела заставлять Сяохуа и Линби быть преданными ей до гроба, и теперь Чжэнь Вэньцзюнь едва не стала следующей, кто покорился ей.

Нужно сохранять рассудок. Постоянно напоминать себе, ради чего она сюда пришла. Покой - фальшивка, богатство - фальшивка, лесть - тоже фальшивка.

Чжэнь Вэньцзюнь коснулась старого шрама у ключицы, спрятанного под «родинкой» в форме полумесяца, и с силой расковыряла его пальцами. Она драла кожу до тех пор, пока старая рана снова не открылась, и от острой боли она свернулась калачиком.

Ладонь стала липкой от крови. Было больно, но именно эта боль возвращала ей трезвость ума. Она заставляла её помнить, кто она такая, помнить свои корни, помнить свою ненависть и помнить своё настоящее имя – А-Лай.

Несмотря на то, что накануне она выпила много вина, на следующий день Чжэнь Вэньцзюнь проснулась очень рано. Она пошла в аптекарскую лавку, взяла немного снадобья и приложила к ране. В последние дни именно она отвечала за сбор трав, поэтому никто не обратил внимания на то, какие именно лекарства она брала.

Окно аптекарской лавки выходило прямо во внутренний двор. Услышав стук копыт и скрип повозки, она выглянула наружу: солнце ещё не взошло, а Ли Яньи уже села в экипаж и уехала.

В пятую стражу, на исходе второго часа (с 03:00 до 05:00), издалека, из самого Запретного города, донёсся гулкий звон большого колокола. Звук шёл от колокольни перед дворцом Тайцзи, и барабаны на перекрёстках улиц и у ворот кварталов подхватили его, разнося весть всё дальше и дальше. Это был призыв к утренней аудиенции. Накануне праздника Драконьих лодок, в эти дни, когда становилось всё жарче, весь Жунин пробуждался ото сна.

Сидя в повозке, Ли Яньи услышала этот звук, знаменующий начало утреннего приёма, и принялась одну за другой перебирать чётки в ладони.

Она стояла на другом конце улицы Чжуцзюэ и смотрела, как широко распахиваются ворота Юньань. Чиновники, с полуночи ожидавшие снаружи, наконец смогли войти во дворец, чтобы предстать перед Сыном Неба.

Линь Цюань, Вэй Лунь и Чжансунь Яо были среди них. Сегодня они намерены объединиться с пятьюдесятью шестью ключевыми сановниками, чтобы совершить великое дело.

Эхо от закрывшихся ворот Юньань глухо отозвалось в сером небе, будто зевнул огромный зверь.

Она выросла в Запретном саду, но хозяйном этого места никогда не была. Пять лет назад никто и подумать не мог, что им станет она. Но сегодня всё совершенно иначе.

Как и это небо, оно тоже скоро изменится.

После пронзительного крика цзиши хуанмэнь шилана (придворный чиновник при императоре) все чиновники пали ниц, выражая почтение Ли Цзюю, восседавшему на возвышении на драконьем троне. Верхняя половина лица Ли Цзюя была скрыта за подвесками императорского венца-мянь, поэтому невозможно было разглядеть, куда направлен его взор. На волевой нижней половине лица уже отросла довольно густая борода, аккуратно уложенная в форме перевернутого треугольника.

Позади драконьего трона, на котором он сидел, висела нефритовая ширма с резными драконами и фениксами. За ширмой спускались плотные занавеси, сквозь которые смутно угадывался силуэт сидящей женщины. Подле неё стояли служанки, обмахивавшие её веерами. У её ног стояли две чаши со льдом, при каждом взмахе веера ветерок доносил до женщины прохладу, спасая её от зноя.

Едва началась утренняя аудиенция, как Сыту Вэй Лунь, Шаофу Чжансунь Яо и Дасынун Линь Цюань вместе подали доклад с обвинениями против Го Жу. Этот безупречно составленный документ они передали хуанмэнь шилану, а тот, в свою очередь, поднёс его Ли Цзюю.

Чжансунь Яо, будучи Шаофу, обладал самым подвешенным языком. Он выступил вперёд и без умолку, во всех красках, громогласно зачитал прегрешения Го Жу. Чжансунь Яо чесал языком две четверти часа без единой запинки, прежде чем остановиться и перевести дух. Вслед за этим Вэй Лунь, Линь Цюань и целая толпа высокопоставленных чиновников один за другим поддержали обвинение. В одно мгновение в зале суда воцарилось такое единодушие, что их громоподобные голоса, казалось, могли расколоть облака. Возразить было невозможно.

Ли Цзюй сжимал свиток с докладом так крепко, что его костяшки побелели. Каждое слово уговоров и нравочений врезалось в его уши, приводя в неистовство. В ярости он едва не вскочил с драконьего трона и со всей силы швырнул доклад на пол.

- Абсурд! Полнейший абсурд!

От этого яростного рыка Ли Цзюя все присутствующие чиновники разом опустились на колени. Ли Цзюй указал на них пальцем:

- И вы ещё смеете именовать себя способными мужами Великой Юй! В чём же ваши способности и по какому праву вы зовётесь «министрами»?! В «Цзо Чжуань» сказано: «Обязанность министров - разрешать чужие заботы и рассеивать сомнения!»! Но чем забиты ваши головы? Способны ли вы разрешать заботы и рассеивать сомнения?! Вы умеете лишь гневать Нас!

Вэй Лунь произнёс:

- Ваше Величество, смените гнев на милость...

Ли Цзюй вскинул руку:

- Вэй Сыту, можете не продолжать. Наш² вопрос к вам: сейчас в Великой Юй уже несколько лет царит голод из-за стихийных бедствий, угроза на северных рубежах ещё не устранена, а три варварских племени на северо-западе снова начали тревожить границы. Внешние угрозы не ликвидированы, внутренние смуты не прекращаются, простой народ голодает, и при всём этом находятся те, кто нарушает закон ради наживы и берёт взятки! Против таких людей вы не подаёте прошений, но требуете покарать Го Жу за то, что он справил нужду в неподобающем месте? Каковы же ваши истинные намерения?!

²Императоры в Китае говорили о себе во множественном числе («Мы», «Нам»), потому что не отделяли свою личность от государства и подданных. Считалось, что правитель является «Сыном Неба» и выступает единым целым со всей Поднебесной.

Вэй Лунь слегка нахмурился и промолчал.

Склонившийся рядом с ним Чжансунь Яо незаметно покосился на него, а Линь Цюань и вовсе был в полнейшем недоумении. Стоявшие позади чиновники переглядывались: все прекрасно понимали, в чей огород Ли Цзюй бросает камни, но никто не решался открыть рот.

- Прошло столько времени. Мы так долго ждали, но ни один человек не вышел и не указал прямо на это дело. Мы спрашиваем вас: чиста ли ваша совесть перед народом Великой Юй, чиста ли она перед Нами?!

Вэй Лунь неторопливо и спокойно ответил:

- Ваш слуга глуп. Ваше Величество имеет в виду дело Хун Ая, присвоившего средства и зерно,

выделенные для помощи пострадавшим от бедствий?

Не успел сорваться с губ Вэй Луня последний звук этой фразы, как Ли Цзюй, подобно чуткому охотнику, заманившему ловкого зайца в силки, поспешил захлопнуть ловушку:

- Именно! Мы имеем в виду именно Хун Ая! Какое сейчас время? Каждый из вас прекрасно знает, насколько ценно зерно! И этот Хун Ай посмел присвоить деньги, предназначенные для спасения жизней простого народа! Это преступление карается смертной казнью через тысячу порезов!

Ли Цзюй выкрикивал каждое слово веско и звучно. То ли от гнева, то ли от того, что кричал слишком громко, его лицо багровело на глазах.

Вэй Лунь медленно поднял голову. Из-за судейской дощечки-хубань его взгляд устремился вперёд, твёрдый и опасный, словно у волка. Вспышка ярости Ли Цзюя ничуть не смутила его, он по-прежнему смотрел на императора с абсолютным спокойствием. В это мгновение Ли Цзюй почувствовал себя жалким шутком на арене: глупым и никчёмным.

Смертная казнь через тысячу порезов, - мысленно усмехнулся Вэй Лунь. Ли Цзюй умышленно подменил наказание в виде «истребления всего клана» на личную смертную казнь. Это означало, что он выгораживал Хун Ая по отдельности, выводя его родственников из-под удара. Ни Фэн Кунь, ни Фэн Си не умрут. Ли Цзюй пытался извлечь выгоду из собственного гнева, чтобы переключить внимание присутствующих и сместить акценты. Он не только тайно смягчил вину Хун Ая, но и полностью замаял вопрос с обвинениями против Го Жу. Похоже, император твёрдо решил пожертвовать Хун Аем как пешкой, лишь бы защитить Фэн Куня и три северных округа.

Вэй Лунь произнёс:

- Ваше Величество мудры, рассудительны и сурово наводите порядок в государственных устоях - это великое благо для Великой Юй. Ваш слуга также считает, что дело Хун Ая необходимо расследовать с предельной строгостью.

Ли Цзюй повысил голос:

- Гуань Сюнь.

Всё это время безмолвно стоявший на коленях в стороне Гуань Сюнь, судя по всему, давно был готов к тому, что его назовут по имени. Он вышел вперёд и пал ниц:

- Ваш слуга здесь.

- Признался ли Хун Ай в подробностях растраты государственных средств?

- Отвечая Вашему Величеству: Хун Ай находится под стражей в императорской тюрьме уже сорок два дня, но до сих пор не признаёт вину в растрате.

- Улики неопровержимы, а он всё ещё смеет отпираться! Хун Ай - всего лишь мелкий губернатор, как он посмел присвоить казённое серебро? Не имей он за спиной сильного покровителя, разве хватило бы у него дерзости вести себя столь вызывающе? К тому же, если бы он действительно намеревался присвоить казённое серебро, зачем ему было выставлять его в своём поместье у всех на виду? Это же тридцать тысяч таэлей наличного серебра! Где его ни разложи, оно бросается в глаза, да к тому же на нём стоят клейма казначейства. Неужели Хун

Аю просто надоело жить? В этом деле могут крыться и другие тайны, и Мы не позволим ни одному продажному чиновнику уйти от ответа. Гуань Сюнь, Мы приказываем тебе снова провести обыск в поместье Хун Ая. Не упusti ни единой детали, переверни там всё вверх дном: от внутреннего двора до самых окраин!

Гуань Сюнь ответил:

- Слушаюсь!

Так вот оно что.

Вэй Лунь продолжал стоять на коленях, не проронив ни звука.

Вероятно, Ли Цзюй нашёл источник официального серебра чрезвычайно подозрительным и хочет начать с этой линии, поэтому с готовностью бранит коррупцию, чтобы сосредоточить внимание всех на этом вопросе. Ли Цзюй правильно ухватился за эту точку. Начиная с предыдущего императора, велась активная проверка коррумпированных чиновников, и Ли Цзюй имеет право позволить судебному ведомству сначала заслушать это дело, и, более того, его действия разумны.

Ли Цзюй снова сел на трон, и подвески его императорского венца-мянь заколосились перед глазами.

Он втайне перевёл дух, хотя сердце всё ещё бешено колотилось. Он думал, что Вэй Лунь и эта предательская фракция будут противостоять ему при дворе, и что вдовствующая императрица Гэн, сидящая за занавеской, внезапно доставит хлопоты. Однако они этого не сделали, поскольку поднятый им вопрос был безупречен и не оставил им ни единого повода для возражений.

Глядя на по-прежнему непроницаемое лицо Вэй Луня, Ли Цзюй понимал, что тот наверняка сейчас по косточкам разбирает каждый его недавний шаг и думает: Этот мальчишка Ли Цзюй хочет докопаться до происхождения казённого серебра.

В этот раз ты проиграешь, - Ли Цзюй изо всех сил пытался подавить подступающую к губам ухмылку.

Моя цель абсолютно не в этом.

Получив указ Сына Неба, Гуань Сюнь вместе с людьми из судебного ведомства прибыл к поместью Хун Ая. Сорвав запечатывающие ленты, они ворвались внутрь.

- Обыскать здесь всё!

- Слушаемся!

Гуань Сюнь и Цзян Ван стояли у дверей, холодно наблюдая за тем, как поместье Хун Ая очередной раз переворачивают вверх дном. От сильной жары высокая чиновничья шапка Цзян Вана едва держалась на голове. Обмахиваясь плоской табличкой-пайцзы и лоя хоть какую-то жалкую прохладу, он спросил Гуань Сюня:

- Как думаешь, сколько раз нам ещё придётся обыскивать и конфисковывать это поместье? Описывать имущество в такое пекло - работёнка явно не для людей. За домом до сих пор не прибрали трупы нескольких повесившихся служанок, ну и вонища, цы-цы-цы...

Из-под суровых мечевидных бровей Гуань Сюнь скользнул холодным взглядом узких глаз в сторону Цзян Вана:

- Если хочешь прожить подольше, завали свой поганый рот.

Цзян Ван не обиделся, а лишь усмехнулся и, словно водяная змея, высунул язык у самой шеи Гуань Сюня:

- Мой поганый рот тебе ведь очень даже по душе.

Люди из судебного ведомства вели обыск три четверти часа. Они действительно не упускали из виду ни единого угла, проверяя всё с исключительной тщательностью.

В это время прибыли Вэй Лунь и Линь Цюань. После того как оба чиновника поприветствовали их, Гуань Сюнь спросил:

- Что же привело сюда Вэй Сыту и Линь Дасынуна? Неужто у вас нашлось время лично надзирать за тем, как младшие чины ведут дело?

Линь Цюань, будучи уроженцем юга, от природы обладал мягким голосом и говорил вкрадчиво и тонко:

- К чему эти разговоры о надзоре? Поскольку Его Величество придаёт огромное значение делу Хун Ая, мы, как его преданные слуги, разумеется, тоже принимаем это близко к сердцу. Вот мы с Вэй Сыту сюда потому и приехали.

Гуань Сюнь только собирался что-то ответить, как вдруг издалека донеслось: «Прибыл Сын Неба!» Все тут же пали ниц, выкрикивая:

- Приветствуем Сына Неба!

Более тридцати закованных в тяжёлые доспехи воинов императорской гвардии Хубэнь быстро разделились на два ряда. Заложив руки за спину, Ли Цзюй прошёл между ними и спросил:

- Как продвигается обыск?

Гуань Сюнь ответил:

- Докладываю Сыну Неба: новых зацепок пока не обнаружено.

Ли Цзюй, приподняв брови, в одиночестве расхаживал взад и вперёд. Два молодых евнуха следовали за ним след в след, держа над его головой защищающий от солнца парадный зонтик. Все вокруг явственно ощущали жуткий смрад, исходивший от разлагающихся трупов, и Ли Цзюй наверняка тоже его чувствовал. Однако он оставался совершенно невозмутим, не выказывая ни малейшего признака брезгливости или жеманства.

Живот Фэн Сии увеличивался с каждым днём, и она начала проводить целые ночи напролёт без сна. Ей часто снились кошмары. Она боялась даже перевернуться на другой бок: ей казалось, что едва она шевельнётся, как ребёнок выпадет из её утробы и насмерть разобьётся о пол. Фэн Сии бесчисленное множество раз просыпалась в холодном поту от ужаса, изнывая от невыносимой жажды.

- А-Вань, - тихо позвала она свою доверенную служанку.

- А-Вань? - ответа не последовало, и Фэн Си, повысив голос, позвала снова.

По-прежнему никто не откликнулся.

Что происходит?

Откинув полог кровати, Фэн Си увидела у своего изголовья незнакомую женщину. Вскрикнув от испуга, она вжалась вглубь постели.

- Чего желает Императрица? Я помогу Вам это принести.

Фэн Си, ещё не оправившись от шока, обернулась. Внимательно всмотревшись в сидевшую перед ней женщину, она поняла, что та вовсе ей не чужая. Хотя вскоре после того, как она вошла во дворец, этот человек покинул Хуайчэнь и переехал, они встречались не много раз, но она часто слышала, как Император упоминает её имя.

- Ли... Ли Яньи? Как ты здесь оказалась?!

- Императрица в положении уже так долго, а я до сих пор не удосужилась навестить вас. Это крайнее упущение с моей стороны. Надеюсь, вы не станете винить меня. - Ли Яньи поднялась с места и направилась к ложу. Фэн Си истошно закричала:

- Ст-тража! Живо сю...

Ли Яньи рванулась вперёд и одной рукой мёртвой хваткой вцепилась Фэн Си в горло, не дав ей выдать больше ни слова. Фэн Си в испуге принялась брыкаться и отбиваться руками и ногами, но стоило холодному лезвию кинжала прижаться к её округлившемуся животу, как она, словно поражённая параличом, замерла, не смея пошевелиться.

По сравнению с А-Синь сила Ли Яньи не была такой уж великой, однако скрутить изнеженную беременную женщину для неё не составило никакого труда. Стоило её пальцам надавить чуть сильнее, и будущий принц Великого Юй погибнет прямо в утробе.

Слёзы животного ужаса катились по красивому лицу Фэн Си и капали на тыльную сторону ладони Ли Яньи. Императрица сжалась в комок, не смея даже сопротивляться, и лишь из глубины её горла вырвался полный отчаяния хрип:

- Не убивай... дитя Императора...

- С чего бы мне убивать дитя Императора? Ведь он мой племянник. - Улыбка Ли Яньи была страшнее любого кошмара, который когда-либо снился Фэн Си. В абсолютном отчаянии она уставилась на алую родинку между бровей Ли Яньи, которая походила на каплю крови или на замочную скважину, отпирающую врата в преисподнюю.

Тем временем Ли Цзюй уже давно подготовил улику, доказывающую невиновность Хун Ая, и тайно подбросил её в неприметное место в его кабинете.

Это был поддельный контракт на закупку лекарств, якобы заключённый между Хун Аем и варварскими купцами. В своё время Хун Ай по указу Сына Неба отправился в Суйчуань для ликвидации последствий бедствия. Выделенное ему казённое серебро предназначалось не только для покупки зерна - необходимо было также закупить лекарства на случай эпидемии. Эту партию редких и дорогостоящих снадобий нужно было приобрести у заграничных купцов, но у тех не оказалось при себе нужного объёма. Тогда Хун Ай заключил с ними договор на

поставку товара стоимостью тридцать тысяч таэлей с условием сдачи через сорок дней. Эти тридцать тысяч таэлей наличными как раз и были оставлены для оплаты лекарств, а поскольку транспортировать их было неудобно, серебро временно оставили в поместье Хун Ая в Жунине. В этой версии не было ни единой бреши. Будь то Вэй Лунь или Гуань Сюнь, что они теперь смогут возразить?

Стоило только найти этот контракт, как с Хун Ая будут сняты все подозрения.

Неужели Ли Яньи и Вэй Лунь до сих пор считают меня тем безвольным и слабым правителем, которым можно помыкать как вздумается? – думал про себя Ли Цзюй. – На ошибках учатся. Нынешнего меня вы создали сами, своими собственными руками!

– Нашли! – закричали трое или четверо выбежавших служащих судебного ведомства, держа в руках стопку бамбуковых дощечек и деревянных плашек.

– Что нашли? – спросил Гуань Сюнь.

Ли Цзюй небрежно повернул голову в их сторону и услышал ответ стражника:

– Нашли доказательства измены Хун Ая и его сговора с врагом!

Улыбка всё ещё застыла на лице Ли Цзюя, он словно не расслышал или не понял смысла слов.

Гуань Сюнь взял эти письма, бегло просмотрел их. Всё это была переписка с Чунцзинь. В ней раскрывались важнейшие тайны Великой Юй, касающиеся военной обороны, сельского хозяйства и строительства. О некоторых из этих данных не был осведомлён даже сам Гуань Сюнь.

Не спеша с выводами, Гуань Сюнь передал письма Ли Цзюю, чтобы Сын Неба лично со всем ознакомился.

По взгляду Гуань Сюня Ли Цзюй понял: глава судебного ведомства согласен с выводами своего подчинённого.

Невозможно! Сговор с врагом и государственная измена?! Как такое может быть?! Разве Я не приказал тайно подбросить в поместье Хун Ая оправдательный контракт? Почему всё обернулось изменой?!

Ли Цзюй в панике листал эти письма, и каждое слово, каждая строчка указывали на это страшное преступление! Но ещё больший ужас, от которого Ли Цзюй едва не лишился чувств, вызывало то, что эти документы марали не одного Хун Ая. Тот был лишь мелкой пешкой. В письмах гораздо чаще упоминался один из высших сановников Великой Юй, который и являлся истинным вдохновителем и кукловодом этой измены.

Имя этого человека прямо не называлось, ведь если бы оно было написано открыто, это выглядело бы слишком фальшиво. Однако Ли Цзюю хватило и беглого взгляда, чтобы понять: все намёки указывали на Фэн Куня!

Линь Цюань и Вэй Лунь с видом полного неведения спросили:

– Ваше Величество, неужели это обвинение в измене и сговоре с врагом – правда?

Ли Цзюю безумно хотелось выхватить у Гуань Сюня клинок и изрубить этих двух лицемерных

тварей на куски! Точно так же, как они поступили с третьей сестрой Хун Ая!

Но он не мог этого сделать. Он был Сыном Неба. Высокопоставленным правителем, которому не дозволено совершать никаких безумных поступков!

Ли Цзюй с яростью швырнул письма на землю. Линь Цюань подобрал их и принялся изучать вместе с Вэй Лунём. Закончив читать, Линь Цюань обратился к Гуань Сюню:

- Позвольте спросить у главы Гуаня, какое наказание полагается за государственную измену и сговор с врагом?

Гуань Сюнь с ледяным лицом, казалось, не горел желанием отвечать, поэтому за него высказался Цзян Ван:

- В годы правления Хунцюэ был чиновник, который тоже вступил в сговор с врагом, за что был казнён, а весь его род истреблён до девятого колена. Боюсь, в этот раз Хун Аю тоже несдобровать, хе-хе-хе...

Ли Цзюй знал, что они все не боятся его. Они все замыслили против него. Даже этот маленький тинвэй осмелился насмеяться над ним.

Должно быть, Вэй Лунь заранее просчитал «гениальный план», над которым Ли Цзюй ломал голову несколько ночей, и обратил его же оружие против него, окончательно отправив Фэн Куня на эшафот. Глаза Ли Цзюя покраснели от ярости: В глазах этих подлецов Я, должно быть, выгляжу донельзя жалким и смешным?!

Ли Цзюй уставился на них, безмолвно вопрошая своим взглядом, но эта вспышка его неистового гнева была подобна капле воды, упавшей в бескрайний океан. Линь Цюань смотрел на него с мягкой улыбкой, а Вэй Лунь со всей суровостью. На их лицах застыло то самое привычное выражение абсолютной уверенности: ни капли страха, ни грамма торжества.

Словно в этом противостоянии они с самого начала даже не допускали мысли о каком-либо ином исходе.

- Кто-нибудь! Помогите! Императрица собирается рожать! - А-Вань выбежала из спальни Императрицы, громко крича.

Фэн Си лежала на кровати, в муках обхватив руками живот, совершенно не зная, что делать.

Кровь хлестала у неё между ног, заливая и пачкая всю постель.

<http://bllate.org/book/17227/1659876>